

Виктор Машинский

**Исторический роман-трилогия
«Князь Буригой»**

Книга 3

НИЗВЕРГНУТЫЕ ИДОЛЫ

Виктор
МАШИНСКИЙ

НИЗВЕРГНУТЫЕ ИДОЛЫ

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М38

Машинский, В.В.

М38 Низвергнутые идола / В.В. Машинский. — М. : Т8 Издательские технологии / Научная книга, 2021. — 256 с. — (Князь Буриной).

ISBN 978-5-521-75747-3

«Низвергнутые идола» — 3-я книга, которая завершает исторический роман-трилогию «Князь Буриной». Автор из собранных по крупицам исторических свидетельств создал образ древнего словенского князя Бравлина Буриного. Много спорных сведений, разногласий историков существует относительно личности этого князя. Даже в исторических источниках его именуют по-разному: и Буриной, и Буриной, и Буриной. Все, что известно о жизни этого великого человека — не более чем гипотеза, ведь нас отделяет от его эпохи более тысячелетия. Так давайте перенесемся через время и пройдем рядом с князем тот путь, что прошел он сам.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-75747-3

© Машинский В.В., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ЧАСТЬ I

Глава 1

— Да как же ты один пойдешь? — испуганно тараторил Местятка. — Это же в пути один будешь, да по местам безлюдным. А коли что случится? А ночью кто будет коня, да тебя самого стеречь?

— Нет, я один пойду! — резко оборвал Бравлин своего молодого друга и, поставив ногу в стремя, легко забросил свое тело в седло. — Мало я хаживал, мало под конем дорог стелилось? И все один. Для того и иду, чтобы собрать себе рать. Один уйду, с войском вернусь. Пусть и с небольшим, но там посмотрим.

— Рос... — покачал Местятка головой и тут же запнулся, зажал рот рукой.

— Что? — грозно нахмурился Бравлин. — Ты опять меня так называл?

Местятка втянул голову в плечи, видя, как рука князя сжала рукоять плети. Так сжала, что костяшки пальцев побелели. А как сейчас вдоль спины вытянет, до крови... Вот ведь язык какой, привык ведь так друга называть. Всегда ведь Росом звал, а теперь не велит, бешеным становится. Вон как плеть стиснул, а как на скулах желваки заходили. Страшным стал друг, исхудал, щеки ввалились, только глазищи огнем горят.

— Прости! Прости, княже, — залепетал Местятка, зажмуривая глаза. — По привычке я, прости, с языка несмышленного само слетает. Я же любя так называю, никто ведь того не ведает, что я ведаю. Ты же как брат мне! Старший.

— Князем не называй, — сухо отозвался Бравлин, разбирая повод. — По имени зови. И ты мне как брат стал, но только вбей себе в голову, что с прошлым покончено, его более нет. Нет Византии, нет Роса, нет моего прошлого и рабства! Есть только вон тот город на севере, есть мои предки, что ставили его и в нем правили. И есть мой братец Валодимер, кровный по отцу, что сидит в княжеском тереме. А по праву сидеть там я должен. Кто украл мою жизнь? Этого я и должен попытаться, вернуть себе свое должен. Нет Роса, есть князь Бравлин Буриной. Еще раз ошибешься, то битым тебе быть.

— Запомню, обязательно запомню, — виновато заглядывая в глаза другу, ответил Местятка. — Я же не по злобе или корысти, я просто... нет у меня никого на этом свете, кроме тебя. Язык себе отрежу, но больше не ошибусь!

— Не надо язык отрезать, а то моего наказа не выполнишь, — усмехнулся Бравлин, начиная отходить от нахлынувшего гнева. — Иди в посад, сделай, что велено. И я сделаю то, что должен. Каждому свое в этом мире!

Местятка стоял и смотрел вслед другу. Как тот сидит на коне, как держит повод. По всему видно, что княжеской крови. И голос, и взгляд. А каким был его друг, когда они только встретились, когда Рос Местятку от степняков спас? Совсем другим! Ленивый, скучающий, равнодушный. Ему что своя жизнь, что чужая, все еди-

но было. И Местятку он тогда спас просто так, а не из жалости. Мог и убить, а не убил. Зато степняков побил. И сколько еще потом кровушки пролил его друг. Вроде для благого дела проливал, а порой Местятке страшно становилось. Страх и восхищение боролись в душе парня, который до того времени и не видывал войны, кровавых схваток. Бродил с мужиками по лесам, мед диких пчел собирал, борты для новых семей в дуплах готовил, колоды ставил. Потом медовые напитки гнали, чистый душистый мед по бадьям разливали. Продавать ездили.

Вольное и неспешное житье было, а вот ворвался в эту жизнь странный человек с длинными светлыми волосами, в хвост на затылке собранными. В чужом неведомом доспехе. Властный, сильный, бесстрашный. И понеслась жизнь Местятки по иной дорожке, другими стежками она заплутала. Сколько повидал он уже, сколько сам сражался с мечом, научился многому, а вот перед другом по-прежнему робеет. Любит как брата старшего и робеет. Нет уже хвоста на затылке, волосы Рос остриг, имя свое исконное вернул. Что-то теперь будет, как теперь все повернется? Кабы знать! Местятка вздохнул, поправил на плече котомку и пошел через лес в сторону берега, где вдали виднелись стены Великого Града.

* * *

Третий день Бравлин плутал по окрестным лесам, две ночи провел он в глухом лесу, открывая глаза и мгновенно просыпаясь от малейшего шороха, раздававшегося в темноте. Завелась в этих местах ватага

разбойников. Слухи доходили разные о том, что тати на дорогах творят, как они на селения нападают. Да только не верил Бравлин в сказки о восставших мертвецах и про поедание детей. Страхи людские всегда превосходят то, что было на самом деле. Недолгая, но богатая событиями и приключениями жизнь приучила Бравлина слушать и слышать главное, смотреть и видеть больше, чем другие. Он знал, видел, что есть в этой ватаге человек, который и опыт ратный, и хитрость звериную имеет. И сколько бы эту ватагу ни пытались поймать и перебить, уходили они, с добычей уходили.

Заяц бился в силках, но когда человек верхом на коне приблизился, тот замер, съежился весь, стараясь быть неприметным. Бравлин спрыгнул с коня на траву и прислушался. Да, места глухие, нехорошие места. И кто же тут силки ставит, вдали от селений? Охотники на мелкую дичь так далеко не забредают. Если кабана выгнать, медведя поднять, тогда конечно. Бравлин присел на корточки и взял зайца за уши. Животное начало биться, лягаться длинными сильными ногами, норовя попасть лапами человеку в лицо. Но Бравлин резко прижал зайца к себе, придавил его локтем и свернул ему шею, почувствовав, как хрустнули позвонки. Лапы жертвы обвисли, но в этот момент неподалеку еле слышно сломалась ветка под чьей-то ногой. «Так и надо, — с удовольствием подумал Бравлин. — Подойти лучше, пока я с зайцем справляюсь, пока шума шагов не слышу».

— Не вашу ли добычу я нашел, охотнички? — спросил он, поднимаясь на ноги и держа убитого зайца за шею.

В пяти шагах от него стояли два мужика, старше него годами, бородами заросшие по самые глаза, одетые кто во что горазд, да только на поясе у каждого доб-